

ВСЕВОЛОД НОВОЖИЛОВ

АКАДЕМИК

(ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА)

Санкт-Петербург, 1990 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

За период, истекший с момента смерти отца, меня неоднократно просили что-нибудь о нём написать, однако, понимая сложность и даже рискованность такого начинания, я всякий раз под благовидным предлогом уклонялся. Теперь же, когда на столе лежит готовая к публикации рукопись, хочу пояснить какие мотивы и стимулы способствовали появлению её на свет, то есть, хочу быть правильно понятым.

Кончина Валентина Валентиновича поставила ряд проблем, из которых проблема надгробия оказалась далеко не самой сложной. Признаюсь сразу - нам не удалось найти простой и лаконичный символ его жизни. Более того, по мере роста количества проектов становилась очевиднее мысль, что единственным достойным памятником академику смогут послужить его книги и школа. Поэтому, когда в воздухе повисла идея учеников написать коллективно биографию учителя, я несколько встревожился. Обычно, таким образом получается изображение некоего неподдающегося идентификации синкретического существа. Ещё менее меня и, полагаю, отца также, устроило бы стандартное жизнеописание типа биографий некоторых известных судостроителей. Написанные в русле традиции, добросовестно отобразив хронологическую последовательность их становления и профессиональной деятельности, они надолго, если не навсегда, похоронили духовный мир этих незаурядных людей.

Существуют веские основания полагать, что подобный подход к личности Валентина Валентиновича обернулся бы ещё большими потерями.

Его научные достижения подробно изложены в нескольких, посвящённых ему прижизненно и посмертно сборниках научных трудов, в энциклопедиях и справочниках. Его имя занесено во всемирный справочник "Who is who". Его две основные монографии неоднократно издавались на многих языках мира. Он был членом двух академий, многочисленных государственных комиссий, комитетов и редколлежий. Наконец, он является создателем школы с безгранично преданными ему учениками, некоторые из которых обладают международной известностью.

Как мне кажется, перечисленного вполне достаточно, чтобы войти в историю науки не только своей страны. Вместе с тем, этого мало для оценки даже способностей отца, не говоря об уровне его внутренней организации. Способности же были настолько велики и разносторонни, что зачастую проявлялись в весьма далёких от прикладной математики и механики областях.

Всю жизнь в Валентине Валентиновиче боролись научное и гуманитарное начала. Унаследовав от предков безупречный вкус и слог, он со временем отточил их до совершенства, стал центром притяжения для одарённой молодёжи, по мере возможности меценатствовал. Его меткий глаз не пропустил почти ни одного из ныне известных художников. Зверев, Кулаков, Яковлев, Харитонов, поэты: Соснора, Горбовский - все они прошли через дом Новожилова, и каждый в какой-то мере испытал на себе его влияние. Втайне они составляли предмет гордости академика, как оказалось, вполне оправданной.

Валентин Валентинович не оставил после себя ни дневников, ни записок, свидетельствующих об отвлечённой мыслительной деятельности. Потомственный дворянин, чудом сохранившийся осколок русской культуры, он был аутсайдером в этом мире и, как следствие, не слишком откровенным с ним. Однако из этого не следует, что наедине с собой он подобной деятельностью не занимался. Косвенными свидетельствами "подпольного" духовного поиска, вероятно, можно считать его стихи, переводы, собрание русской живописи и советского авангарда.

Отчасти, к этим же свидетельствам можно отнести и уникальный стиль общения Валентина Валентиновича с учениками. Мне в жизни не приходилось слышать о подобной самоотверженности - он их разве что не рожал. Где бы академик ни находился, в каком бы состоянии ни пребывал, доступ к нему учеников всегда оставался неограниченным.

А ведь здоровье его всегда было удручающим. Вероятно, самой большой загадкой, во всяком случае для меня, является эффективная реализация талантов этого человека на фоне его физической немощи.

Не менее загадочен и внутренний мир отца. На поверхностный взгляд в нём много спорного, противоречивого и непоследовательного. Бесспорно лишь одно: Валентин Валентинович был крупной, масштабной личностью и, как всякий по настоящему большой человек, имел крупные достоинства и недостатки. И как всякий большой человек, заслуживает не фимиама, а серьёзного мужского разговора.

Именно эти соображения побудили меня написать очерк, в котором я попытался осуществить прорыв в экзистенциальный мир этого сложного и одарённого человека. Я писал не биографию, не хронику, а литературный портрет, разумеется, не претендующий на завер-

шённость. Из него изъяты все несущественные детали: нет никаких дат, очень мало имён, за исключением колоритной личности брата, не присутствуют родственники. Сам он фигурирует под псевдонимом В.В. - так между собой его именовали ученики. Словом, всё подчинено двум целям: описать среду обитания, в которой вырос и жил отец, и максимально точно реконструировать его внутренний мир. Насколько же мне это удалось, пусть рассудят другие.

Апрель, 1990 г.

Что наша жизнь? Страстей кипенье,
Клубок влечений и сомнений.
Ещё во чреве материнском
Подготавливаемся мы к риску
Сыграть коротенькие пьесы
Под строгим взором сил небесных.
Как занавеса чёрный шорох,
Укроют нас могилы скоро.
И только уходя со сцены,
Мы снова станем откровенны.

Уолтер Рейли, 1612 г., Тауэр.
Перевод В.В.

В.В. хоронили истово. Огромный актовый зал института не вместил всех желающих почтить его память. Чинно и ладно катился гражданский ритуал. Речи сановные сменялись речами учеников, в почётном карауле стояли видные учёные, и откуда-то сверху низвергалась си-бемоль-минорная соната Шопена. До кладбища продвижение трёхкилометрового похоронного кортежа контролировалось специальными постами ГАИ. Там так же произносились бесчисленные речи и звучала та же соната уже в исполнении военного духового оркестра. А вечером, когда в квартире В.В. негде было упасть яблоку, его основательно помянули. Было много сказано тёплых слов, но, когда всё

закончилось, стало ясно, каким непреодолимым барьером лёг поверхностный демократизм между его внутренним миром и людьми.

С тех пор прошло несколько лет. Как птицы к разорённому гнезду возвращались в его дом люди и почти всегда, при этом, в воздухе негласно повисал вопрос: кем же был действительный член Академии наук СССР, член Британского королевского общества кораблестроителей и кавалер многих орденов Валентин Валентинович Новожилов?

Их было три брата, три совершенно несхожих характера. Старший и средний по рождению и воспитанию принадлежали прошлому веку. Оба успели до революции получить блестящее образование, а Виктор Валентинович и международное научное признание. Катастрофа семнадцатого года разметала семью по четырём сторонам света. Больше всем свидеться было не суждено. В.В. тогда исполнилось семь лет, и осознать нависшую над ними угрозу он не мог. А опасность витала в воздухе. Разночинная и дворянская интеллигенция уезжала или погибала эшелонами, и несчастье могло настичь на любом этапе хаотических перемещений тех лет. Последовательное уничтожение нескольких культурных слоёв населения не располагало к откровенности и воспоминаниям. Обыск в Петрограде, вступление Петлюры в Киев, налёт "зелёных" в Крыму - всё, что сохранила скупая семейная хроника периода революции.

Сообразно вкусам новой власти, обыск состоялся ночью. В.В. проснулся от шума. По балдахину алькова металась блики, в комнате разговаривали. Сквозь дремоту, скользя окраинами смысла, в сознание врывал натянутый, подчёркнуто-вежливый голос матери:

- господин председатель, здесь спит сын.

Кто-то резко отбросил балдахин и из полумрака изваялась чуждая дому фигура. Лица он не разглядел, но по некоторым признакам понял, что это матрос. Спустя мгновение балдахин опустили, и перемещения в комнате возобновились. Вот подошли к старому "Бехштейну", ухо резанул негармонический аккорд, и снова мать:

- Господин председатель играет на фортепиано?...

Трудно сказать: зачем она задала этот вопрос. Может хотела сбить с толку, может отвлечь внимание или, наконец, польстить самолюбию. Во всяком случае, этот человек, безусловно не должен был играть ни на каком инструменте, что он и подтвердил громогласно и ещё добавил:

- Я умею только отбивать дробь на шкурах контрреволюции...

На следующий день кто-то обмолвился, что руководил обыском председатель Петроградского ВЧК Бокий, именем которого в городе пугали детей.

По сравнению с обыском, эпизод в Киеве оказался относительно безобидным. Въезд Петлюры он с матерью наблюдал с балкона особняка на Крещатике. И, вероятно, так бы и слились воспоминания о нём с гениальным романом М.А. Булгакова, если бы не одно обстоятельство: по иронии судьбы, за день до этого старший брат был мобилизован в личную охрану гетмана Скоропадского. Утром того дня брата вызвали в комендатуру. В.В. попробовал навязаться ему в компанию, но родители наотрез отказали. И вот теперь - время обеденное, а Виктора всё ещё нет. В столовой давно накрыто. Из гостиной доносятся звуки рояля. Мама всегда играла, когда нервничала. Звонок его застал в детской. Стук крышки рояля, щелчок замка и вдруг - залихватистый смех матери. Влетев в прихожую, В.В. увидел мать, отца и Виктора, трогательно прижимавшего к груди шашку. Мать в изнеможении сидела в кресле. Отец же, судя по всему, на время потерял дар речи. Наконец он выдал:

"А ну, поворотись-ка, сын".

Только сейчас В.В. обратил внимание на форму Виктора и тоже прыснул. Чем-то он ему напомнил кентавра: до пояса - кавалерийский гвардеец, а ниже – пехотный офицер, да ещё в гражданских ботинках. Словом, гоголевский персонаж. Однако рассчитывать на чувство юмора петлюровцев не следовало, и поэтому, придя в себя, отец приступил к допросу. Как выяснилось, Виктора шесть часов таскали по инстанциям, и ни в одной он не смог объяснить, что в жизни не имел дела с оружием. В конце концов ему всучили шашку, револьвер и отправили на интендантский склад экипироваться. К тому вре-

мени поползли слухи о бегстве гетмана. На складе слухи подтвердились. Почувствовав, что всем уже не до него, Виктор поехал домой. Вот и вся история. Отец велел Виктору сбросить своё оперение и спрятать его вместе с оружием внизу под лестницей. На том всё и успокоилось.

О налёте в Крыму много не расскажешь, хотя из всех эпизодов семейной хроники он, безусловно, был самым опасным.

Проездом они ночевали в каком-то маленьком селе. Там был развёрнут госпиталь Добровольческой армии. На рассвете тишина взорвалась бешеной дробью конских копыт и беспорядочной пальбой. Постепенно на этом фоне выделились винтовочные залпы. Минут через десять всё стихло, но, разумеется, никто больше не спал. Утром они узнали, что в посёлок ворвалась банда зелёных и, если бы не организованный отпор небольшой группы раненых офицеров, их наверняка уже не было бы в живых.

Да, только три фрагмента сохранилось из этого периода, три фрагмента и тиф. От тифа умер действительный статский советник Валентин Александрович Новожилов.

Двумя годами ранее, выполнив свой долг, отступил с Добровольческой армией за границу Евгений Валентинович. Профессиональный музыкант-скрипач, он мобилизацией был вовлечён в мясорубку гражданской войны. За границей Евгений сразу нашёл себе применение и, кажется, до конца дней своих был солистом Софийской филармонии. В семье же он числился умершим, поскольку не только связь с ним, но и память о нём долгие годы таили смертельную опасность.

Однако живым - живое.

Итак, когда В.В. было двенадцать лет, семья осталась на попечении старшего брата.

Что такое интеллигенция, не в порождённом господином Бобрыкиным смысле, а как установившееся понятие двадцатого века?..

Это результат направленной эволюции стадного животного к homo sapiens в сочетании с индивидуальными этическим и эстетическим взаимодействиями с обществом. Независимо от уровня образования или его отсутствия, такой человек строит собственную концепцию мироздания в виде научной или религиозно-философской системы.

Таким образом, интеллигент всегда находится в поисках бога, но "научный человек" редко это осознаёт.

Его поведение определяется не только действующими правовыми нормами или статуарными постановлениями, но в значительно большей степени врождённой системой внутренних запретов на совершение неблагоприятных поступков.

За счёт интенсивной внутренней жизни, у интеллигента снижена потребность во внешнем общении, которое, как правило, ограничивается своим кругом и семьёй. Семью он также создаёт в пределах своего круга и, как следствие, воспроизводит и воспитывает себе подобных. Так через наследственность и традицию он передаёт эстафету культуры от поколения к поколению.

В редкие просветы человеческой истории, когда истеблишмент понимал значимость такой тенденции, через несколько поколений в обществе появлялся слой носителей культуры, благодаря которому гуманизировалась господствующая система ценностей.

Разумеется, как любой человеческий институт, страдает несовершенством и этот, хотя бы потому, что рано или поздно приводит к вырождению и без того не жизнестойкой породы. Тем не менее, всё

окупалось утверждением в обществе понятий морали, милосердия и чести.

В России благоприятные для существования интеллигенции условия появились во времена Екатерины Великой. А в начале XX века, страна уже имела около пяти миллионов разночинной и дворянской интеллигенции.

Никогда на этой территории культура не достигала такого расцвета.

Результатом интеллектуального давления на власть были отмена крепостного права, появление европейского судопроизводства и либеральной прессы.

Интенсивный духовный поиск нашёл отражение в великой литературе, музыке и публицистике.

Несовершенный гражданский кодекс эффективно корректировался кодексом чести.

Тогда слишком откровенный взгляд на даму мог повлечь вызов на дуэль, и как сенсация воспринимался газетный заголовок - "Десять гнусных предложений за ночь!".

Казалось, ещё немного - и наступит всеобщее благоденствие. Но судьба распорядилась иначе. Россия погибла как Пальмира - так же быстро и так же героически. Её интеллигентный истеблишмент не смог оказать должного сопротивления вооружённому классовый моралью противнику. Очевидно, сыграл свою роль и уже начавшийся процесс вырождения. И надо благословлять бога за то, что примерно половине интеллигенции удалось эмигрировать, духовно обогатив тем самым многие страны. Оставшиеся погибли. Единицы же случайно выживших ушли во внутреннюю эмиграцию.

Виктор Валентинович Новожилов был одним из них.

Блестящий философ и экономист, он не без сарказма наблюдал за происходящим. На его глазах исполнялось пророчество Ф.М. Достоевского, с той лишь разницей, что Петенька Верховенский в отличие от Володеньки Ульянова не любил "Апассионату". Со средневековым фанатизмом, огнём и мечом в стране утверждалась новая религия. Не обладая духовной аурой, она в остальном напоминала католицизм времён Торквемады.

То есть:

- было ортодоксальное учение и его пророк;
- были апостолы, евангелисты, и мученики;
- были святые и еретики;
- были орден иезуитов и инквизиционные трибуналы.

Всё было. И за всё это пришлось заплатить страшную цену: через три поколения страна полностью утратила накопленный потенциал как городской, так и деревенской культуры. И если над деревенской культурой энергичной власти пришлось потрудиться немало лет, то разгром дворянской был вчерне завершён спустя два - три года после поступления В.В. в гимназию Карла Мая.

В этом добротном учебном заведении учились преимущественно дети чиновного Петербурга. Из его стен вышло достаточно знаменитостей, среди которых занял достойное место и В.В., что свидетельствует о сохранении традиций, преподавательского состава и качества учебного процесса гимназии, по меньшей мере на протяжении учёбы будущего академика.

Учился В.В., разумеется хорошо - он был физически слабым, болезненным, но одарённым ребёнком. История сохранила документ, не имеющий ничего общего с любой стандартной формой министер-

ства высшего и среднего образования Советской Республики. Он исчерпывающе подтверждает вышесказанное:

"Дано сие окончившему весной текущего года 9-й класс Единой Трудовой школы, НОВОЖИЛОВУ Валентину, в том, что он в течение пребывания в школе отличался выдающимися усваивающими способностями, широким интересом ко всем отраслям знания и проявлял ясно выраженные творческие способности в области отвлечённого мышления, что засвидетельствовано всеми преподавателями его класса.

Подпись заведующего школой".

Помимо успехов в школьной программе, В.В. с детства проявлял склонность к утончённому восприятию живописи и литературы. Подолгу пропадал в Эрмитаже, много читал. Всё это старшим братом поощрялось, но к его изумлению младший был абсолютно лишён музыкальности. Нельзя сказать, чтобы последнее оказалось полной неожиданностью. Оба старших брата получили музыкальное образование. Разумеется, были попытки таковое дать и В.В.. Удивительно то, что он не только не воспроизводил, но и не воспринимал музыку. Както Виктор Валентинович в очередной раз повёл брата в филармонию. Исполняли "Страсти по Матфею". Вернулись они после первого отделения, не разговаривая. О причинах ссоры старший брат деликатно умолчал, В.В. же много лет спустя сознался, что чуть не заснул в первом отделении и, чтобы не шокировать зал, Виктор Валентинович счёл за благо вернуться домой.

Словом, у В.В. с братом духовная общность наблюдалась не во всём. Семейность вообще не является отличительной чертой Новожиловых, Виктор же был гениальным, но суховатым человеком. Кроме того он имел собственную семью и, как следствие, не мог уделять много внимания брату. Поэтому внутренний мир В.В., в значительной мере, развивался самостоятельно.

Молодость же брала своё. Уже были прочитаны "Фауст", "Боги жаждут" и, разумеется, "Бесы", однако душа его больше тянулась к лирике. Он и сам пописывал:

Бриг "Изабелла"
 В двенадцать ночи
 Застигнут бурей
 У мыса Горн.

Последний парус
 Разорван в клочья
 Пять матросов
 Свалились за борт.

Не правда ли, для начала неплохо? Однако вряд ли ему стоило идти с таким стихотворением к Б. Пастернаку.

Он до конца жизни сохранил любовь к поэзии. Продолжал писать стихи, делал поэтические переводы, но, кажется, так и не понял, что обладал даром прозаика. Ничего не поделаешь: Мольер тоже всю

жизнь не мог смириться с мыслью, что он комический, а не трагический актёр.

Гораздо сложнее обстояло дело с более прозаическими увлечениями.

Брэнная плоть с юности поставила перед В.В. непреодолимую преграду для самоутверждения путём физического соперничества со сверстниками. С тем большим и, можно сказать, непропорционально-страстным азартом он предавался наблюдению, как это делают другие. В.В. любил все виды спорта и даже сам в молодости немного играл в теннис, а всю жизнь весьма прилично в шахматы. Попытки же заняться чем-то более мужественным служили постоянным источником юмора для брата.

- Как вы думаете, - игриво вопрошал Виктор Валентинович, усаживаясь поглубже в кресло и подрагивая от еле сдерживаемого смеха, - что купил Валя на первый гонорар?..

И поскольку ничья фантазия подобного предположить не могла, сам же и отвечал:

- Пару боксёрских перчаток!..

Следовал приступ неудержимой весёлости, по истечении которого задавался следующий вопрос:

- А как вы думаете - что он купил на второй гонорар?..

Виктор Валентинович слегка приподнимался на кресле и, выдержав эффектную паузу, к всеобщему и собственному восторгу изрекал:

- Вторую пару боксёрских перчаток!..

Действительно, трудно было найти более несовместимую с боксом фигуру, чем В.В.. К двадцати пяти годам это был высокий, невероятно худой человек, с породистыми лицом и руками. Он уже сделал

немало глупостей, но и специалистом успел стать заметным. В небольшой и довольно эклектичный круг его друзей входили несколько действительно незаурядных личностей. Словом, налицо были некоторый жизненный опыт и, что существеннее для человека его происхождения, достаточно прочное общественное положение.

Итак, жизнь шла своим чередом. Нельзя сказать, чтобы обеспеченная, но по тем временам - терпимая. И всё было бы ничего, если бы не здоровье. После поступления в институт он заболел бронхиальной астмой, которая преследовала его всю жизнь. А несколько позже случилось и вовсе неожиданное:

Однажды В.В. вышел покурить на кухню. Огромная, старорежимная кухня в квартире его отца выходила окном в типичный петербургский двор-колодец. Было уже весьма поздно, но свет он не зажег, и только красноватый отблеск тлеющей папиросы падал на руку. Не выкулив и половины, В.В. почувствовал беспокойство. От чёрного провала окна повеяло неопределённой угрозой. Его прямоугольник медленно надвигался на молодого человека, порождая, где-то далеко за пределами логики, безотчётный ужас. Взгляд заметался в поисках выхода, повсеместно натываясь на сжимающееся пространство.

- Что же делать?.. - Мелькнула тоскливая мысль, но следующий шквал страха погасил её, оставив в сознании только нарастающий грохот. Это бешено билось его сердце.

Потом где-то на периферии ментального В.В. образовалась болевая точка. Боль разрасталась, притягивая к себе внимание и, по мере развития этого процесса, в голове выкристаллизовывалось осмысленное восприятие мира. Сначала в

поле зрения всплыл дверной просвет, потом рука. Это была его рука с конвульсивно-сжатым в кулаке угольком папиросы.

Осторожно продвигаясь вдоль стены к спасительному лучу света, В.В. выбрался в коридор и только там смог разжать руку.

По молодости, он беспечно отнёсся к этому первому приступу клаустрофобии. Но за первым последовали другие, и вскоре В.В. потерял трудоспособность. Пришлось долго и серьёзно лечиться, но удалось ли победить болезнь окончательно - точно не знал ни он, ни кто-либо другой.

Материально тогда мог помочь только Виктор Валентинович. Он продолжал теоретические изыскания в экономике, - не в советской и не в буржуазной, а именно в общечеловеческой экономике и экономике биосферы. К советской же у него выработалось устойчивое отношение как к говорящей лошади, то есть: - не суть важно что она говорит, а непостижимо, что вообще разговаривает. Последствия такого экономического мазохизма для Виктора Валентиновича были ясны уже тогда, на уровне простого здравого смысла. А в книге Экклезиаста записано, что излишнее познание рождает скорбь. В стране Советов оно означало - смерть. Виктора Валентиновича уволили с волчьим паспортом. Он долго содержал семью частными уроками и как умудрился выжить, - до сих пор никому не известно.

Примерно тогда же случилась неприятность и с младшим братом. Он написал пьесу. Небольшую комическую пьесу с несколькими юморесками на злобу дня. В конце концов, должен же В.В. был делать что-то со своим литературным даром?..

А в одну прелестную весеннюю ночь нагрянули с обыском, целеустремлённо полезли в правую тумбу отцовского стола, извлекли рукопись и были таковы. Отделался он тогда почему-то душеспасительной беседой с неким ничтожеством, но моральный урон был огромен.

Содержание и местонахождение пьесы знали только четыре ближайших друга.

Нельзя сказать, чтобы В.В. питал большие иллюзии. Нет, окружающая обстановка к ним не располагала. К тому же он, разумеется, знал кое-что из истории русского извета. А она свидетельствует, что до Петра Великого в России доносчик и его жертва были равноответственны перед законом, и, если донос не подтверждался, доносчик также подвергался пытке. Следствием такого законопорядка, очевидно, было то, что анонимный донос к рассмотрению не принимался. Принцип абсолютной безнаказанности доносчика ввёл Пётр Первый. При нём, как говорит Ключевский: "донос стал государственным учреждением, свободным от всякого риска". В итоге, вплоть до завершения правления Анны Иоановны, страну захлёстывали волны доносов. Позже наметилась тенденция к гуманизации общества, но и после судебной реформы 1864 года ощущались последствия полувекового разврата.

Словом, - в России доносили всегда.

Но чтобы так!..

Чтобы возвести в ранг гражданского подвига донос на родителей, а недонос на друга юридически преследовать!..

Такого не знала даже трагическая история этой страны.

Несколько десятилетий господства подобной морали должны были привести к катастрофической деградации населения. Случай с

В.В. свидетельствовал, что никакое социальное положение в стране уже не является гарантией порядочности. Что-то непоправимо надломилось у него в душе. Наверно именно тогда он окончательно потерял веру в человеческие добродетели.

Хорошо быть совершенно беспринципным,
Быть со всеми совсем неласковым,
Бродить по городу весёлым принцем
Из тысяча второй и последней сказки.

Фантазией хрупкой скрывая грубость,
Мечтами своими украсить город,
И даже для той, которую любишь,
Всегда оставаться только актёром.

Сегодня день трагических жестов,
Переживаний слишком утончённых,
Сегодня, в час погребально торжественный,
Я узнаю, что любовь окончена.

Часы души из кармана вынул я.
Посмотрел, а стрелки всё там же, те же.
И только лужи под ноги кинулись
Серебряным всплеском, серебряной нежностью.

Это стихотворение В.В. сочинил, когда ему было всего 23 года. Помимо очевидного влияния Маяковского в нём легко просматривается чёткий след ещё одного источника вдохновения, имя которому - предательство.

Насколько известно, он никогда и никого не посвящал в подробности переживаний своей юношеской драмы. Известен лишь сам факт доноса, а много позже, уже в преклонном возрасте, им была озвучена наиболее вероятная кандидатура доносчика. Но удары такой силы накладывали отпечаток на всю последующую жизнь людей с куда менее утончённой натурой, чем у В.В.

Покатались годы. Он стал неразборчив в человеческих связях и перестал их ценить. По разным причинам разрушались старые - интеллигентные. Застрелился поэт Глеб Чайкин, Спился талантливый инженер Сергей Алексеев, посадили Григория Светаева, много раньше эмигрировал Старк. Новые же сначала были только профессиональными. Со временем В.В. усвоил несколько стилей общения, но складывалось впечатление, что ни один из них к нему не идёт:

- В среде сослуживцев он неумело пил водку и жеманно сквернословил;

- Когда принимал гостей, нередко ёрничал;

- В официальных контактах был подчеркнута вежлив.

К старости всё это трансформировалось в этакую отеческую насмешку, однако, во все времена под этими наслоениями ощущалась сентиментальная нотка.

Своей демократичностью В.В. надёжно прикрывал тщеславие и честолюбие, и только при очередном успехе, а успехи были и большие, в его глазах вспыхивали торжествующие искорки.

Всё это, разумеется, по-человечески понятно. Не понятно было лишь, откуда он черпал силы для столь интенсивного творческого процесса, так как сразу после войны В.В. тяжело заболел туберкулёзом.

Сказалось напряжение военных лет. В 1943 году он защитил кандидатскую диссертацию, в 1945 году докторскую, которая вскоре была издана во всём цивилизованном мире. Следует ли удивляться, что такая работа изначально нездорового человека в условиях недоедания и нервных перегрузок привела к истощению организма?

Он восемь лет болел открытой формой туберкулёза. Восемь лет тлеющего жара в груди! Восемь лет болтания между жизнью и смертью!

Как же В.В. выжил?..

Снова помог его величество случай. Когда он уже стоял одной ногой в гробу, появился человек с чудодейственным лекарством собственного изготовления и выходил его. Этим человеком была женщина, не имевшая медицинского образования. Она умела лечить некоторые виды туберкулёза с помощью препарата, рецепт которого перешёл к ней по наследству. К сожалению, с её смертью секрет лекарства был утрачен, но за свою жизнь она успела вылечить немало людей. Во всяком случае В.В. вынырнул, благодаря именно ей, и вынырнул уже всемирно-известным учёным, обладателем собственной школы с многочисленными учениками.

Посыпались звания, почести и награды. К преклонному возрасту В.В. имел полный комплект и того, и другого, а вот денег ему всегда не хватало. И не то чтобы он был слишком требователен к личному комфорту. Нет, под конец жизни, имея несколько служебных кабинетов, В.В. не имел домашнего, и ни разу на это не пожаловался.

Просто, живя в обществе пластичной морали, он частично приспособился к нему, а частично от него откупался. Платил всем: врачам, медсёстрам, шофёрам, билетёрам, а иногда и просто вымогателям. Кроме того, у него было несколько дорогих увлечений. Например, В.В. собирал картины и книги. Являясь мужчиной видным, имея не малый успех не только в профессиональной среде, он оставался до преклонного возраста щёголем, что так же стоило ему немалых затрат. Костюм-тройка, сшитый из лучшей шерсти самым дорогим частным портным Ленинграда - Копганом, обходился в 800 сталинских рублей без стоимости материала - сумма ощутимая тогда даже для доктора математических наук. Избрание В.В. членом Королевского общества Великобритании (напомним, что он стал членом иностранной академии наук раньше чем отечественной) так же ничего кроме затрат ему не принесло. Дело в том, что Российская Академия наук является едва ли не единственным в мире учреждением подобного рода (кажется, в какой-то банановой республике существует ещё одна), выплачивающим своим членам солидную пожизненную пенсию. Все остальные академии планеты собирают с бессмертных членские взносы. Поэтому, согласно уставу общества королевских корабельных инженеров Великобритании, В.В. обязан был ежегодно перечислять на его счёт определённую сумму в фунтах стерлингов, которых у него, естественно, не было да и быть не могло. Но кто-то их, очевидно, всё же перечислял. Кроме того, ему ежегодно присылались бюллетень общества и приглашение на его собрание. В.В. даже в какой-то год по наивности начал оформлять выездные документы. Вероятно, на то было дано кем-то разрешение. Он, разумеется, никуда не поехал, так как был абсолютно "невыездным". Прохождение документов затормозили "наверху". В.В. кажется, не слишком сожалел о сорвавшемся вояже, по-

сколькo непоколебимо верил в изотропность антропосферы. Но сборы и подготовка повлекли за собой ощутимые затраты. Чего стоил только пошив у того же Копгана единственного в его жизни смокинга, из которого много лет спустя получилась отличная юбка для снохи...

Словом, не хватало.

Однако, - не хлебом единым.

Одно парадоксальное свойство его натуры имело определяющее влияние на жизнь и увлечения: В.В. терпеть не мог любую форму организации за пределами профессиональной сферы. Поэтому в его собрании картин на одной стене висели полотна эпохи Возрождения и советский авангард, в библиотеке уживались редкое издание Джорджо Вазари с примитивным детективом, а за столом могли встретиться водопроводчик с директором Эрмитажа. Однако такой эклектизм не помешал В.В., руководствуясь незаурядными вкусом и интуицией, создать заметную коллекцию русской живописи и советского авангарда. Немало тогда молодых и непризнанных, а ныне всемирно известных художников прошло через его дом.

И не только они. Бесконечным потоком шли люди. Ученики и сослуживцы, просители и поэты, карьеристы и авантюристы, а иногда и вообще чёрт знает кто, - никому не было отказа, - всех принимал больной или здоровый В.В. Всех принимал с обычной, слегка насмешливой миной и только поздно вечером, когда совсем уставал, на его лице появлялось отсутствующее выражение.

Но мало кому удавалось видеть В.В. наедине с полюбившейся картиной, когда его лицо постепенно приобретало какое-то детское, удивлённое выражение, а глаза освещались тёплым, внутренним светом. В такие минуты закрадывалось подозрение, что духовная жизнь

видного учёного протекала где-то глубоко - "в подполье" и редкие её признаки прорывались во внешний мир.

Быть может, уже тогда - в эпоху первого предательства он ушёл во внутреннюю эмиграцию?..

Трудно сказать... Внешне В.В. старался выглядеть современным и даже часто бравировал этим. Но были случаи, когда между нарочито восторженными похвалами какой-нибудь поп звезде или кубику Рубика вдруг, по случаю, проскальзывала, с необыкновенным вкусом и теплотой, декламация из Гоголя, или под подушкой обнаруживался ксерокс Булгакова, и тогда всё вставало на свои места. Правда, под подушкой иногда мог оказаться и Поль де Кок, но пусть этим занимаются фрейдисты.

Однако, судя по ранней лирике В.В., подобный камуфляж был не всегда для него характерен. В молодости он высказался относительно современности вполне недвусмысленно:

Мы рядом, параллельны,
болтаем на ветер,
дешёвые изделия
двадцатого столетия.

Не чтим и не веруем,
мораль - тюрьма.
Перед кем фетровую
нам снимать?

Тише, тише, -
там женщины...
Эй!
Кто в шляпе?
Сними.

Жестокий бог машин над нами
творит великие дела.
И мы забыли коней ржание,
забыли вкус прекрасный зла.
- Сидим склонясь над чертежами.
Мы с юных лет искали мудрость,
перебирая листья книг.
За книгу отдавали друга,
теряли годы, словно дни.

Но мир стальных вещей воздвигнув
над миром солнца и долин,
мы между женщиной и книгой
себя не можем разделить.

Была у В.В. ещё одна, наводящая на размышления особенность.

За исключением людей он, безусловно, любил всё живое. И животные платили ему тем же. Каких только тварей не перебывало в доме В.В. в разные периоды. Была собака родовитее его самого, были несколько котов и морские свинки, белые мыши и хомяки, черепаха и петух, и, наконец, были волнистые попугайчики. Но вот что странно: из всей фауны его квартиры наибольшую, можно сказать истеричную привязанность В.В. питал именно к попугаям. Попугаи же эти были необыкновенно ограниченными существами. Во всяком случае, даже черепаха вступала в более осмысленный контакт с человеком.

Эта странная склонность к примитивным привязанностям у В.В. частично распространялась на людей, благодаря чему он утратил немало достойных знакомств.

Впрочем, до знакомств ли ему было в последние годы?.. Начало неуклонно ухудшаться здоровье. Всё чаще и чаще его укладывали в больницы. Всё опаснее становилось лечение. Вскоре ему довелось побывать в реанимации.

Какими-то сверхъестественными усилиями вытащили В.В. тогда из клинической смерти, но он понимал, что его не вылечили, да уже и не могли вылечить. Понимал, что всё остальное- это "жизнь в займы". Понимал, - и всё же пытался прожить остаток дней своих так, как будто ему отпущена вечность. Как всегда принимал огромное количество людей, активно участвовал в научной жизни, делал переводы. Именно к этому времени относится попытка В.В. создать антологию поэзии эпохи Елизаветы Английской, сопроводив её собственными переводами сонетов Шекспира, лирики Джона Дона, Рэйли и других.

Однако в его поведении появилась непривычная склонность к воспоминаниям и самоанализу. Нередко, в последнее время, он рассказывал о старшем брате. Давно В.В. похоронил Виктора Валентиновича и, признаться, не очень помнил, когда последний раз посетил его могилу.

Вообще-то, они оба не отличались внимательностью друг к другу. В молодости Виктор считал В.В. инфантильным и, может быть, в какой-то мере был справедлив. Во всяком случае, его колоссальный ум давал право на такое мнение. В.В. же, в свою очередь, не принимал подчёркнутую респектабельность брата, полагая, что в нечеловеческой ситуации она отдаёт рисовкой.

Так что между братьями были горячие точки соприкосновения.

Но, во-первых, в В.В. крепко сидело атавистическое почтение к возрасту, а во вторых, - хотя на склоне лет они оба обладали международной известностью - он отлично понимал, что, став крупнейшим экономистом планеты в своём отечестве, Виктор Валентинович совершил подвиг. Одним словом: уважал В.В. брата, чтил.

Не раз В.В. вспоминал и то удивительное, бестелесное состояние, которое испытал в реанимационной. Говорил, что умирать не страшно и даже немного приятно. Сравнивал свои ощущения с версиями великих писателей. Похоже, что он действительно не боялся перехода в мир иной. Но тогда, наверно, небезынтересен вопрос:

- А боялся ли В.В. суда над собой?..

Или, если сформулировать точнее:

- Веровал ли он в сакраментальную справедливость?..

На эти вопросы можно ответить только приближённо.

В.В. не был верующим в ортодоксальном смысле, но, являясь научным работником, причём работником превосходным, а потому,

нередко соприкасаясь с непостижимым, он интуитивно ощущал присутствие колоссальной, всемогущей, лежащей вне плоскости человеческой психики тайны. В.В. не пытался систематизировать собственные ощущения или дать наименование этой силе, но всю жизнь соблюдал по отношению к ней дистанцию и уважал её. Поэтому, не признавая за кем-либо права мирского суда над собой, и уж тем более, не ожидая его праведности, он безоговорочно верил в справедливость судьбы или провидения.

Почти семьсот лет назад Данте Алигьери систематизировал человеческое свинство по возрастающей степени. Всем определил меру наказания великий флорентиец - только для советского академика у него места не нашлось. Впрочем, место, наверно, можно было найти, и даже не последнее. В.В. это понимал и сам. Он не сомневался в том, что, прожив жизнь в человеческом обществе, умереть в своей постели безгрешным невозможно. Однако не считал себя заслуживающим и какой-то сверхъестественной кары. На его глазах третье поколение уходило в землю без покаяния, разрушая с завидной изобретательностью все христианские ценности. На таком фоне вполне могли затеряться обывательские прегрешения В.В.. Несколько сложнее дело обстоит с профессиональными.

Как любой учёный крупного масштаба, В.В. вовлекал в сферу своей деятельности большое количество людей. По роду службы, ему приходилось заседать в многочисленных государственных комиссиях и комитетах. Сколь ни странно, ему, не имевшему ни малейшей склонности к администрированию, пришлось на протяжении многих лет занимать достаточно ответственный административный пост.

Вся эта суетная побочная деятельность совершенно не шла к его облику типичного кабинетного учёного. Она не являлась следствием

честолюбивых или меркантильных замыслов В.В.. Просто у него, как правило, не хватало характера уклониться от очередной попытки использовать его имя и авторитет учёного в административно-политических играх. К тому же он, по собственному признанию, был тугодум, и его легко можно было на короткое время сбить с толку нахальным, лобовым наскоком.

Эти качества В.В. активно использовались: его обманывали, им прикрывались, его компрометировали, а иногда и шантажировали...

И всё-таки засвидетельствовано, по меньшей мере, два случая, когда В.В. встал насмерть и не позволил навязать себе чужую волю.

В 1958 году, после избрания В.В. членом-корреспондентом АН СССР, его посетил академик Лаврентьев - тогдашний председатель президиума сибирского отделения АН СССР и креатура Хрущёва. Основанный в 1957 году молодой академический центр испытывал острый дефицит в авторитетных научных кадрах, вербовкой которых Лаврентьев и занимался по всей стране. Именно такой была цель его визита.

Следует ещё раз напомнить, что Лаврентьев имел колоссальные связи, был человеком умеющим добиваться своего, невзирая на средства и имел в руках практически неограниченные ресурсы, что в совокупности делало его всемогущим.

Тогда в научных кругах был знаменит афоризм одного видного механика державы:

"Куда не поедешь за креслом действительного члена Российской Академии наук".

Этот человек получил означенное кресло в Новосибирске в 1957 году.

Действительно, ставка была чрезвычайно высока: в случае согласия - В.В. немедленно стал бы академиком со всеми причитающимися этому званию благами плюс восьми-комнатный коттедж в академическом городке Новосибирска.

Но В.В. наотрез отказался ехать в Сибирь, отсрочив, таким образом, подъём на последнюю ступень научного Олимпа на 8 лет. Правда сам он рассчитывал, кажется, не более чем на 4, но человек предполагает, а бог располагает, если только в роли бога, в данном случае, не выступил тот же Лаврентьев.

Отказался член общества королевских корабельных инженеров Великобритании, несмотря на то, что более неподходящего климата для его здоровья, чем гнилой петербургский в стране найти было трудно.

Какие же мотивы побудили его это сделать?..

-Первой и вероятно главной причиной являлось то, что его не вдохновляла сомнительная честь быть избранным по Сибирскому отделению АН СССР. Спустя 10-15 лет Сибирский научный центр уже обладал необходимыми для того репутацией и авторитетом, но тогда – в 58 г. такой экспресс–метод проникновения в ряды бессмертных сильно отдавал конъюнктурой.

-Не последнюю роль наверно сыграл и тот факт, что В.В. был, что называется, тяжёл на подъём. Как известно: его и в Москву в командировку лишней раз с трудом выпихивали.

-Кроме того, обладая необыкновенной широтой кругозора, предъявляя минимальные требования к личному комфорту, он, тем не менее, всю жизнь оставался рабом привычки.

Ему трудно было представить себя сидящим не за дряхлым письменным столом своего отца, лежащим не на диване, на котором

проболел столько лет, лишившимся ежедневного контакта с учениками.

- Не стоит сбрасывать со счёта и обострённое зрительное восприятие мира у В.В.. Возможность смены утончённой эстетической атмосферы града Петра на провинциальную Новосибирска он, скорее всего, воспринимал не без содрогания.

Можно предположить, что эти треволения стоили учёному некоторых затрат духовных сил, чего не скажешь о курьёзном случае произошедшем с ним несколько позже.

А дело было так:

- В начале семидесятых кому-то в голову пришла бредовая мысль принять его в партию. Вероятно, та же голова снарядила для переговоров и агитации к нему на дом молодого парторга.

Это не передать словами!

Несчастливого кидало то в жар, то в холод по мере того, как В.В. в исключительно корректных и даже изысканных выражениях объяснял, какой непоправимый вред будет нанесён КПСС внедрением в её ряды нечестивого академика. На дворе стояло время бульдозерных выставок, поэтому в качестве неопровержимого аргумента он использовал собственное увлечение советским авангардом.

Ушёл от него парторг ни с чем. Ушёл славный малый и, разумеется, метнул очередной камень в досье академика, но В.В. к тому времени был уже вне досягаемости.

По видимому, такое суетное вращение около В.В. иногда могло недёшево обходиться государству и людям, но сам он этому факту серьёзного значения не придавал, как не придавал его и тому, что от-

дал полжизни подводному флоту, то есть: едва ли не самому коварному в истории человечества оружию.

Иными словами, В.В. не задумывался о личной ответственности учёного за последствия своей деятельности, хотя и понимал авантюристичность развития современной техники. Именно благодаря такой недальновидности собратьев В.В. по цеху, человечество совершило чудовищный рывок к самоуничтожению за неполные сто лет и то, что В.В. не внёс в этот процесс существенный вклад, следует отнести за счёт удачи. А ей он придавал чрезвычайно большое значение и верил в неё. Мотив личной удачи нередко присутствовал в его разговорах, особенно в последние месяцы жизни.

Может, это закономерно?..

Судите сами:

- В.В. пережил революцию и три войны;
- его миновали несколько волн репрессий;
- его неоднократно "вынимали из гроба".

И, несмотря на это, ему удалось занять весьма высокое положение в обществе.

И на смертном одре судьба оказалась к В.В. благосклонной. Он скончался спокойно и безболезненно, от сердечной недостаточности в послеоперационный период, хотя врачи во время операции обнаружили у него рак почек.

Его прах покоится на мемориальном кладбище Санкт-Петербурга - "Литераторские мостки", рядом с захоронениями трёх известнейших кораблестроителей страны Папковича, Шиманского, Крылова и совсем неподалёку от могилы Менделеева.

Единственно, с чем В.В. не повезло, причём не повезло капитально, так это с надгробием. Псевдоклассический памятник, который

ему долго и трудно ставила научная общественность, не имеет ничего общего с внешним обликом учёного, и ещё менее соответствует его внутреннему миру, завесу над которым академик слегка приоткрыл в написанной на себя задолго до кончины эпитафии:

Любил одну, влюблялся в многих.
Не выбрал ни одной дороги,
И шел, не ведая дорог,
Внося раздор в чужие судьбы,
Что б тихо лечь у милых ног...
Кто б ни был ты, случайный путник,
Прости, как Бог, ему грехи
За то, что он писал стихи.

Остаётся лишь признаться, что имя единственной, к которой В.В. имел столь сильную привязанность, никому не известно.